АЛЕКСАНДР СКИПЕРСКИХ

Как при Сталине

© Скиперских А. В.

© Skiperskikh A.

Как при Сталине

In the Stalin's Times

Аннотация. Рецензия посвящена анализу электронного издания дневника рабочего А. И. Дмитриева, который он в вел в городе Молотове (ныне — Пермь) в период с 1946-го по 1955 год. Изданию дается высокая оценка. Делается вывод о том, что именно простой человек и способен стать реальным олицетворением позитивного, характерного для сталинской эпохи. Во всяком случае, для этой роли он подходит больше, чем персонажи иного типа, усиленно навязываемые обществу в качестве «героев» непростого сталинского времени.

Annotation. The author of the review analyzes the electronic publication of private diary, written in 1946—1955 by worker A. I. Dmitriev. So, the text reflects the world of Soviet worker of the Stalin's period. The publication is highly appreciated. The reviewer thinks that a simple Soviet man like A. I. Dmitriev has much more rights to personify the positive aspects of the tragic Stalin's period, than a long chain of generals, promoted from above in our times.

Ключевые слова. История, СССР, Сталин, сталинизм, город Молотов (Пермь), рабочий класс, дневник, культура, тоталитаризм, историческая память.

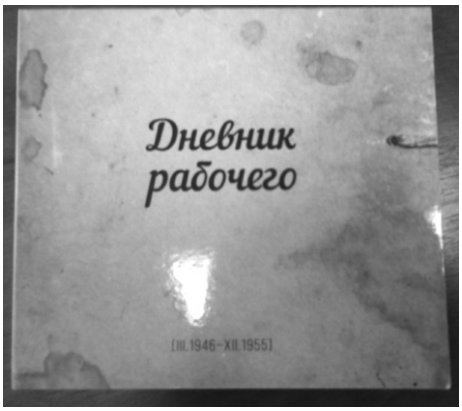
Key words. Soviet history, USSR, Stalin, Stalinism, city of Molotov (Perm), working class, dairy, culture, totalitarism, historic memory.

Особенности развития политических процессов в современной России весьма способствуют поиску исторических и иных параллелей, в том числе и с периодом правления И. Сталина. Безусловно, основания для подобного сопоставления есть — достаточно напомнить о постепенном выравнивании отношения к И. Сталину в российском обществе, о чем свидетельствуют многочисленные мониторинги общественного мнения. Все чаще предпринимаются попытки политической легитимации власти с использованием образа Сталина; можно говорить даже о постепенной реабилитации сталинского политического проекта. Во многих городах (в частности, в Перми) набирает популярность сталинская билбордиада, кое-где отмечаются попытки установки памятников вождю (Липецк). Опыт сталинского правления ассоциируется с достижениями, экономическим ростом, победой в Великой Отечественной войне, уважением к труду простого человека. Все

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович — профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Пермь), доктор политических наук.

эти символические образы весьма востребованы в условиях явного идеологического вакуума. Но насколько перспективен этот политический выбор?

Дневник рабочего (III.1946—XII.1955): документальная публикация / О. Л. Лейбович, А. С. Кимерлинг и др. *Пермь: ПермГАНИ, 2014. Электронный ресурс*



Определенным образом на данный вопрос может ответить рецензируемое электронное издание, выпущенное на CD-ROM и частично доступное для чтения в сети Интернет [1]. Оно подготовлено группой пермских ученых во главе с профессором О. Л. Лейбовичем. Объектом исследования является текст дневника рабочего авиамоторного завода А. И. Дмитриева — своеобразная хроника трудовых будней, снабженная и специфическими детализациями, позволяющими получить представление о разных сферах общественной жизни послевоенного города Молотова. Дневник уникален уже по той причине, что его автором является рабочий. Это подтверждает и руководитель авторского коллектива О. Лейбович, подчеркивающий, что «в архивах за тот период времени сохранилось очень мало документов, вышедших из-под пера рабочих. Всякого рода заявления, объяснительные, докладные записки и прочее — это произведения государственных служащих или интеллигенции. Они были мастера доносы писать. От рабочих остались в основном анонимные письма» [2].

Проект представляет интерес и в силу отсутствия в его концепции политической ангажированности. Исследователи беспристрастны, что позволяет им с особой тщательностью воссоздавать атмосферу послевоенного Молотова. Авторский продукт — бережная попытка конструирования городского текста, что объясняет присутствие в публикации многочисленных комментариев, расшифровок сокращений, исторических фотографий, аудиофайлов. Для исследователя повседневности важно все, потому что ощущение аутентичного присутствия может быть создано за счет максимального чувства детали, штриха, царапины, скола. Чувствуется, что авторский коллектив уделил особое внимание деталям — «схватывание» советской повседневности осуществляется как через систему демонстрации этих штрихов бытия, так и посредством выделения какой-либо особенно важной в конкретном контексте черты. Варьирование целым и его элементами — несомненная методологическая находка авторского коллектива. Именно эта методология и позволила исследователям создать целостный образ сталинского времени, до сих пор воспринимаемого крайне неоднозначно.

Последовательно-негативному отношению к периоду сталинского правления, восприятию его как времени диктатуры и страшных репрес-

сий противостоит позитивный образно-символический ряд. Российское общество оказывается расколотым, и вряд ли стоит рассчитывать на то, что в ближайшее время будут найдены формулы примирения и нейтрализации конфликтного потенциала между «Бессмертным полком» и «Бессмертным полком ГУЛАГа». В свою очередь, российская власть предпочитает конструировать сталинское время по собственным лекалам, не опасаясь разоблачений и чувствуя за собой право на «передергивание» и фрагментацию истории. Перманентные проблемы политической легитимации оказываются важнее формирования относительно цельной картины периода сталинского правления.

Исследователь же не может не дорожить репутацией, он более ответственен и совестлив. Перед ним не стоит задачи политической легитимации — он просто и честно представляет результаты своего труда, при этом пытаясь примирить фланги, ослабить поляризацию и взаимную ненависть критиков и апологетов сталинской эпохи.

На наш взгляд, рецензируемая документальная публикация как раз и является примером подобной исследовательской культуры. Несколько слов об авторе дневника — А. И. Дмитриеве. Он в полной мере соответствует типу обычного советского рабочего, который постепенно входит в рабочую элиту своего предприятия — авиамоторного завода. Он использует этот шанс, не испытывая при этом сильных сомнений и действуя исключительно с целью получения преимуществ, связанных с более высоким социальным статусом. Медленное карьерное восхождение осуществляется в пространственно-временном континууме города Молотова 1946—1955 годов.

Знакомство с дневником — попытка погружения в специфическую идиллию советского быта, в уютное пространство медленного течения времени и зацикливания жизни, со всеми проблемами и маленькими радостями.

Погружаясь в чтение, мы видим, как происходит трансформация самого образа автора, и прежде всего в контексте восприятия политического. Несколько завышенный градус критики существующих политических и социальных практик постепенно понижается до ослабления, а то и вообще повествовательного иносказания. А. И. Дмитриев выглядит человеком осторожным и рациональным. Действительно, если в первые годы и присутствует некоторая критика (в частности института выборов: «не выборы, а лишь сообщение народу, что в депутаты “назначены такие-то и такие-то лица”» (запись от 22.04.1946) или «правильности судебных законов» (запись от 6.01.1947)), то позднее она становится все менее акцентированной, а затем исчезает вовсе. Автор понимает, что человек бессилен перед государственной машиной и у него не может быть союзников в сопротивлении несправедливости. Однажды он говорит об этом прямо: «писать в газету жалобу — все равно не поместят» (запись от 06.08.1947).

Подобные условия постепенно делают его поведение более гибким, склонным к конформизму. Автор дневника понимает, что лояльность

руководству является одним из важных способов целедостижения и приобретения благ. Он выбрал путь молчания и умеренного соглашательства, кстати, в свое время определенные английским политическим философом И. Берлиным как специфические черты русской культуры [3. С. 530]. И. Берлин определял таким образом поведенческую стратегию русской и советской интеллигенции; тем не менее это замечание во многом может быть распространено и на судьбу автора дневника. Он учится, много читает, посещает библиотеки и культурные мероприятия, ходит в театры. В нем есть страсть охоты за книгой; будучи ограниченным в средствах, он, тем не менее, с удовольствием пополняет свою библиотеку. Видимо, у него неплохая дикция — он периодически выступает в качестве конферансье. Перед нами зарождающийся тип советского рабочего-интеллигента.

Именно такой путь и обеспечил его постепенное карьерное продвижение, которое, безусловно, кажется куда более медленным и трудным по сравнению с современными практиками «золотых парашютов» и карьерных трамплинов. Постепенно автором достигается достаточно высокая скорость в горизонтальной мобильности — командировки позволяют ему увидеть СССР (Белорусская ССР, Украинская ССР, Туркменская ССР). Мы видим, как от раза к разу вырастал размер его зарплаты (ремонт дома, приобретение книг и часов, покупка дров у соседей — вместо вылавливания бревен в Каме, заказ пальто и др.), и как автор инкорпорировался в структуры общественного контроля, что, безусловно, не могло не означать постепенного расширения его экономической свободы и круга доступных ему социальных благ. При этом показательно, что, когда он рассуждает о размере зарплаты, всякий раз его ожидания оказываются выше, чем реальное удовлетворение. Возможно, это выглядит определенной провокацией — неким экивоком на случай попадания дневника к внимательным соглядатаям.

В дневниковых записях много опаски, стремления обойти проблемные места советской действительности. Власть и ее персонализации не обсуждаются: этот тревожный симптом тоталитарного режима в полной мере отразился в дневнике А. И. Дмитриева. Имя собственное «Сталин» первый раз встречается в его дневнике в тот момент, когда радио объявляет о болезни вождя. До того момента это имя было табуировано — равно как и имена других членов Политбюро. Этому находится справедливое объяснение, связанное с репрессивными эффектами системы и отсутствием культуры публичного сопротивления. Это переносится и на эпистолярный жанр. А. И. Дмитриев не комментирует действия своего руководства, что также не может не свидетельствовать о постоянном испытании страхом за свою собственную судьбу, равно как и за судьбу своей семьи.

Тоталитарные практики прослеживаются и в описаниях впечатлений от посещения культурных мероприятий. Мы видим, как в обществе постоянно поддерживается высокий патриотический градус: культурное меню способствует легитимации политического строя.

Вместе с тем разве откровения автора не служат подтверждением заботы режима о просвещении граждан? Тоталитарные режимы, как правило, не экономят на культуре, делая ее относительно доступной для общества, потому как прекрасно понимают, что «на выходе» они получают гораздо больше. Инвестиции в лояльность и правильное понимание политического курса в сталинский период при достаточно рациональной экономической политике, на наш взгляд, как раз и могли выступать теми важными «скрепами», которые так прочно схватывали социальное тело. Средства подобного рода ищет и современный российский правящий класс, видимо, не до конца понимая, что ему приходится апеллировать уже к совершенно другому типу рабочего человека.

Вместе с тем автор намекает и на некоторую двоичность проводимой политики, которая сегодня может рассматриваться как сомнение в исключительной социальности сталинского режима. Так, например, периодическое снижение цен на продукты питания компенсируется «повышением цены на бани, радио, трамваи» (запись от 20.08.1948). Кроме того, автор упоминает о платных московских поликлиниках и школьных учебниках (*см.* запись от 03.07.1953). Можно предположить, что констатация этих фактов выполняла еще и критическую функцию. В дневниковых записях А. И. Дмитриева периодически можно и нужно искать иносказательность. Если в нем и существовала необходимость критического комментария, то можно представить, как глубоко она могла быть запрятана между строк. Сам факт существования опыта критики политических институтов Дмитриевым, имевший место в начале дневника, вряд ли мог быть полностью переосмыслен как ненужное и опасное занятие. Скорее всего, критика имела место, но излагалась эзоповым языком.

На наш взгляд, генеральная идея дневника — труд, необходимость в котором постоянно ощущается автором. Даже его стремление к отдыху и восстановлению сил как раз являются свидетельством особой магии труда, его непреклонной, заманчивой красоты. Подобные настроения свойственны и окружению автора дневника, объединенного «этой обреченностью на производство, этим таинством труда, которым он пронизан насквозь как потом» [4. С. 60].

Показателен момент покупки вишен на одной из пристаней во время поездки по реке в Астрахань. Автор покупает 68 стаканов. А сколько труда заложено продавцом перед тем, как продать такой объем? Поневоле вспоминается М. Фуко с его практиками дисциплинаризации — косвенного контроля за телом, отчасти предполагающими методическое повторение одних и тех же действий (сбор вишни, захват ее стаканом, отсчет стаканов) и т. д.

Труд представлен в тесной связи со своим диалектическим двойником — отдыхом. Но в тот момент, когда кто-то отдыхает, работа продолжается. А потому отдых представляется лишь короткой передышкой, формой накопления новых сил ради очередного погружения в труд.

Даже в тот момент, когда в дневнике описываются подробности санаторной жизни, посещения буфетов и чайных, а также самого престижного в послевоенном Молотове ресторана «Кама» и других подобных мест, А. И. Дмитриев все равно пребывает в одном и том же ритме. Как человек труда, он удивительным образом, по умолчанию, синхронизируется с другими участниками трудового процесса.

Труд — источник экономических благ и социальных гарантий. Именно труд позволяет инкорпорироваться в элиту, претендовать на большее, расширять границы мира и знания о мире. Этот аспект, обнаруженный нами в «Дневнике рабочего», приводит к мысли о бесперспективности сравнений двух режимов — сталинского и путинского. Более мобилизованный и идеологизированный человек труда сталинского времени, просвещенный и ориентированный на коллективистские ценности, значительно опережает человека времени В. Путина, нового потребителя, индивидуализированного и одинокого, опустошенного и бессмысленного, постепенно деградирующего из-за отсутствия трудовой практики.

Безусловно, практика труда претерпела значительную метаморфозу, но этим нельзя оправдать просчеты современного политического класса, «поставившего» на яхты и шубохранилища и отобравшего у рабочего заводы. Действительно, сегодня мы имеем уже совершенно иную картину, в которой мы сталкиваемся с «ускользающим образом самого рабочего» [5. С. 126]. В отличие от советского рабочего А. И. Дмитриева, его постсоветский визави конструируется с огромным трудом, а через некоторое время он и вообще может стать практически неопределимым.

Конечно, отвыкание от труда не выглядит моментальным. Для этого требовалось довольно много не только времени и политической воли, но и сопротивления самой культуры. В современной России человек постепенно утрачивает определенные принципы трудовой этики, да и сам концепт «работа» начинает отдавать некоей бессмысленной пустотой. Наряду с этим утрачивается и чувство политического, особая агрессивность и нетерпимость, присущие мобилизованному пролетариату и его исканиям справедливости. Именно об этом писали и некоторые представители франкфуртской школы, когда говорили о рабочем классе, постепенно убаюканном профсоюзами и прозорливыми собственниками. Вспомним и замечательную цитату из «Общества спектакля» Ги Дебора о рабочем, «отмытом от тоталитарного презрения» [6. С. 23—24].

И если в качестве мотиваторов рабочего человека в западном обществе выступало льготное кредитование, возможность приобретать блага на равных со всеми, а также довольно сильный профсоюзный патронаж, то в случае СССР специфическими объективациями социалистических преимуществ могли выступать многочисленные социальные блага, с удовольствием приобретаемые рабочим классом. В дневнике А. И. Дмитриева содержится много примеров подобной заботы — начиная от касс взаимопомощи и заканчивая ночными про-

филакториями. Автор дневника оказывается обладателем путевок на море и на минеральные воды. Видимо, скепсис в отношении качества данных услуг не совсем уместен. Дело скорее всего во внимании к простому рабочему человеку. Важно понимать, что любая власть заинтересована в здоровом рабочем, что и объясняет подобную заботу о человеческом теле. Особенно это справедливо в отношении тоталитарных режимов, легитимность которых как раз и поддерживается силами многочисленного рабочего класса.

Знакомство с дневником А. И. Дмитриева позволяет составить впечатление и о внутреннем мире автора. В самом деле, было бы справедливо попробовать определить его мечту, контуры его грезы. Как оказалось (А. И. Дмитриев постоянно напоминает об этом сам себе), его потаенность и наивность заключены в мечту путешествия по воде. На наш взгляд, греза о путешествии во многом связывается со стремлением преодолеть тотальный контроль и на определенное время выпасть из системы власти. Мотив путешествия по воде связан и с манифестациями безумия [7. С. 77—80].

Кстати, в дневнике содержатся некоторые указания на то, что характер работы автора (испытание двигателей) связан с сильным психологическим напряжением (посещение врачей, записывание снов, расслабление после работы и т. д.). Путешествие воспринимается и как попытка убежать от индустриального мира, от заводского шума. Необходимо понимать, что время может озвучиваться по-разному. Звуки времени превращаются в поток повседневного шума. И если для О. Мандельштама память активно вырабатывает «шум времени» — картины минувшего века, которому предстоит быть раздавленным XX «веком-волкодавом» («Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей» [8]), то для автора дневника память воспроизводит другой шум — непрерывный шум испытываемых двигателей, от работы которых некоторые рабочие даже сходят с ума.

На наш взгляд, появление рецензируемой электронной публикации является важным событием в российской общественной науке. Авторский коллектив под руководством профессора О. Л. Лейбовича проделал огромную работу. Проект имеет и симпатичное эстетическое разрешение. Прикрепленные аудиофайлы, фотографии и другие документы позволяют воссоздать атмосферу послевоенного Молотова, в которой происходило становление нового типа советского рабочего человека.

Свидетельства А. И. Дмитриева могут если не изменить взгляд исследователей на период правления И. Сталина, то во многом позволить несколько скорректировать его, сделав более полным и объективным. Очень важно, что проект способен привлечь внимание не только представителей исторической науки, но и политологов, социологов, культурологов, правоведов и филологов. Здесь есть что обсуждать, и, наверняка, авторы данного проекта были бы рады стать участниками вежливой и продуктивной дискуссии.

Также, на наш взгляд, проект может быть своеобразным сигналом для думающей части российского правящего класса, пытающейся разобраться в успехах сталинского режима и предпочитающей не видеть истоки его эффективности исключительно в страхах и боязни наказания. Нужно понимать, что, как уже отмечалось выше, в образе автора дневника — А. И. Дмитриева — мы сталкиваемся с человеком труда, органично вписывающимся в эпоху, в культурный проект сталинского времени. Возможно, именно простой человек как раз и может являться достойным олицетворением советского периода отечественной истории и стать обоснованным противовесом предпринимаемым сверху попыткам «втиснуть» на это место представителей советского генералитета.

Литература

1. www.permgani.ru/diary/index.html (дата обращения: 15.06.2015).

2. **Хлобыст Ю.** Олег Лейбович: Подозреваю, что «Дневник рабочего — уникальный случай» // Звезда.ру. 27.11.2014. — http://zvzda.ru/interviews/e619c23952e8

3. **Берлин И.** История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

4. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2009.

5. **Скиперских А. В.** Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис, 2013.

6. **Дебор Г.** Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2011.

7. **Скиперских А. В.** Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению. Елец: МУП «Типография г. Ельца», 2011.

8. **Мандельштам О.** За гремучую доблесть грядущих веков... (1935). — http://liternet.bg/publish1/omandelshtam/doblest-ru.htm